

**Т.К. Кохнович**

## СПОСОБЫ ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ (на материале речевого акта утешения в немецком языке)

В статье рассмотрен речевой акт утешения как средство социальной поддержки. Изучаются важные для лингвистической прагматики понятия: *речевой акт – речевой жанр, фатическая – информационная речь, стратегия и тактика речевого поведения*. На основе практического исследования определяются речевые тактики, которые используются для достижения стратегической цели при утешении.

Современная коммуникативная лингвистика характеризуется постоянным интересом исследователей к функционированию языка в различных процессах речевого общения. В центре внимания оказывается речевое поведение языковой личности в тех или иных коммуникативных ситуациях. Важность эффективности коммуникации обуславливает актуальность изучения языкового воплощения речевых актов социальной поддержки в связи с их широким распространением в диалогическом общении. Социальная поддержка является одним из основных факторов, определяющих успешное решение проблем коммуникации благодаря правильному использованию вербальных и невербальных средств, направленных на улучшение самовосприятия адресата в процессе общения.

Человеку в трудных ситуациях, возникающих в ходе личностного или социального бытия, следует оказывать помощь, сущность которой заключается в обеспечении эмоциональной поддержки, в снятии эмоционального напряжения, в восстановлении открытых и искренних отношений, а также во внимании и понимании. В системе речевых актов социальной поддержки выделяется речевой акт *утешения*. Это объясняется тем, что человеку свойственно сострадание, душевность. Утешение – это «социальная интеракция, призванная успокоить чем-нибудь радостным, облегчить кому-нибудь горе, страдание» [1, с. 842].

Любой взрослый человек принимал участие в подобном взаимодействии либо в качестве утешаемого, либо в качестве утешающего. Утешать – не значит что-то утверждать или говорить людям то, что они хотят услышать. Для утешения важна искренность говорящего. Когда слова поддержки не согласуются с фактами, они могут вызвать деструктивную реакцию. Таким образом, цель утешения заключается в преодолении эмоционального кризиса адресата и восстановлении его докризисного душевного состояния.

Следует отметить, что в вопросах причисления утешения к речевым актам социальной поддержки наблюдаются лишь незначительные расхождения. Например, Дж. Остин относит утешение наряду с соболезнованием, поздравлением к *бехабитивам* (*behave* ‘вести себя’, *habit* ‘привычка’), которые включают в себя понятие реакции на поведение других людей, а также на их взаимоотношения [2]. Как отмечает М.Ю. Федосюк, речевой акт

утешения стоит в одном ряду с речевыми актами, ориентированными на изменение эмоционального состояния адресата, и называет их эмотивными. Адресат может подчиниться действию, направленному на улучшение его эмоционального состояния. При этом адресант не считает себя причиной огорчения адресата [3, с. 73]. В противном случае мы имели бы дело с речевыми актами оправдания или извинения. Следовательно, обращение к данному речевому действию предполагает, что говорящий владеет определенной информацией об эмоциональном состоянии адресата.

Против объединения в один ряд таких полярных иллокутивов, как поздравление и выражение соболезнования выступает Е.И. Григорьев [4, с. 37]. Рассматривая типологию речевых актов, автор относит утешение к эмпативам (*empathia* 'сопереживание') и отмечает, что перлокутивный эффект возникает только при условии, если речевой акт осуществляется лицом, представляющим для слушающего авторитет [4, с. 50].

Немецкий лингвист У. Энгель также рассматривает утешение как речевой акт, служащий устранению психолого-социальных напряжений [5, с. 37].

Представляется, что речевые акты утешения, сочувствия, соболезнования являются родственными, так как они возникают в схожих негативных ситуациях: когда человеку плохо, когда у него несчастье или неприятности. Их объединяет также семантическая близость: название одного речевого акта объясняется через название другого. Следует различать также два выражения данных речевых актов: ситуации, которые не зависят от адресата и вызваны внешними обстоятельствами, и ситуации, в которых виноват сам адресат. Утешение может сочетаться, на наш взгляд, с речевым актом уговора, так как в этом случае мы стараемся убедить адресата в том, что все на самом деле не так плохо.

Необходимо отметить, что в исследовательской практике термины *речевой акт* и *речевой жанр* четко не разграничиваются. Так, например, говорят о речевом акте утешения и о речевом жанре утешения. В теории речевых актов *речевой акт* представляется как «элементарная единица речевой деятельности, являющаяся провозглашением предложения в определенной ситуации с определенной целью» [6, с. 258]. Это единица нормативного речевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации.

Под *речевым жанром* понимается относительно устойчивый, тематический, композиционный и стилистический тип текста, обусловленный прежде всего своей целью, а также рядом внеязыковых факторов [7, с. 23]. Отсюда следует, что теория речевых актов концентрирует свое внимание на типах действия, а теория речевых жанров – на типах текстов. В этих теориях по-разному осмысливается понятие *высказывание*. В теории речевых актов высказывание определяется как высказанное предложение, а теория речевых жанров трактует высказывание как тип текста. К общим чертам речевых актов и речевых жанров принадлежит учет ситуативного контекста, функциональной ориентации речевого воздействия. Поскольку в данном исследовании нас интересует утешение как высказывание с конкретной целью, мы будем пользоваться термином *речевой акт утешения*.

При рассмотрении речевых актов социальной поддержки возникает вопрос их отнесения к фатической или информационной речи. По утверждению Т.Г. Винокур, все поле коммуникации делится на область фатики и информатики, которые различаются оппозицией общение–сообщение [8, с. 136]. Фатическое речевое поведение имеет целью само общение, а основная интенция фатики – удовлетворение потребности в общении. Данная речь выступает и как средство установления определенных отношений между говорящим и слушающим. Под информатикой понимается общение, имеющее целью сообщение чего-либо. Представляя оппозицию «информативная фатическая речь», Т.Г. Винокур, ссылаясь на Р. Якобсона, отмечает, что высказывание не может выполнять какую-либо одну функцию. Собеседники опираются на какие-то сведения, события при высказывании чего-либо, но предполагается, что адресату и адресанту они известны [8, с. 136].

Речевой акт утешения не имеет целью передать информацию. Он служит для гармонизации межличностных отношений, помогает устанавливать, регулировать или поддерживать контакт с собеседником. Именно фатическая коммуникация является коммуникацией в чистом виде. В ней гораздо больше коммуникативных актов, в которые люди вступают не ради обмена чисто информативным содержанием, а ради фактического общения. Таким образом, фатическая функция является основной в речевых актах социальной поддержки.

В каждой ситуации общения используется своя коммуникативная стратегия, выражающая общую цель говорящего. Разные исследователи предлагают различные классификации речевых стратегий, основанные на анализе диалогической речи. Наиболее структурированной представляется, на наш взгляд, классификация, разработанная О.С. Иссерс [9, с. 21]. Стратегия речевого поведения – это, прежде всего, планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от условий общения, а также реализация этого плана. Она охватывает, таким образом, всю сферу построения процесса коммуникации, когда ставится цель достижения определенных результатов. В зависимости от намерений говорящего речевые стратегии могут быть общими, направленными на достижение общих социальных целей, либо могут характеризовать конкретный разговор с конкретными целями. Таким образом, коммуникативная стратегия выражает общую цель говорящего, тогда как тактика является иерархически более мелким коммуникативным шагом и отражает интенции человека, проявляющиеся в ходе диалога. Каждая тактика направлена на выражение отдельного коммуникативного намерения адресанта и предполагает использование определенных языковых ресурсов, представляющихся говорящему наиболее эффективными и уместными. Это означает, что при речевом воздействии на различные социальные группы населения следует выбирать соответствующие коммуникативные тактики, имея в виду при этом, что ни одна из них не универсальна. Необходимо находить такую форму выражения, которая была бы убедительна только для того, кого убеждаешь.

В лингвистическом описании каждого из речевых актов социальной поддержки имеются определенные трудности. В утешении, например, отсутствуют четкие критерии, которые позволили бы отграничить утешение от неутешения.

Анализ практического материала (свыше 100 фраз) показал, что для достижения стратегической цели утешения самыми частотными средствами выражения поддержки являются глаголы в форме императива, указывающие на то действие, к которому побуждает собеседника говорящий: *Reg dich nicht auf, Arie! Es hat keinen Sinn* [Kns, S. 94], инфинитивы с отрицанием: *Nicht weinen! – sagte die Großmutter* [Jgl., S. 21] или эллиптические высказывания: *Keine Aufregung* [Jgl., S. 9].

В некоторых случаях говорящий демонстрирует оптимизм относительно исхода неприятной ситуации, в которой оказался адресат: *Wir halten das bestimmt durch, Evelyn. Wird sich schon finden* [Kns, S. 102].

Утешением может служить выражение мысли о неизбежности неприятностей в жизни человека: *Alles kann geschehen. Mit so was muss man rechnen, wenn man auf einer einsamen Insel lebt* [Kns, S. 209].

Социальной поддержке адресата способствует минимизация говорящим проблемы случившегося, т.е. он старается преуменьшить величину неприятностей, вызвавших негативные эмоции у собеседника: *Mädchen, auch dich kriegen wir hin. So ein Blinddärmchen! So was Lächerliches!* [Kns, S. 215].

Достижению перлокутивного эффекта адресанту помогают такие контактоустанавливающие компоненты, как формы обращения, свидетельствующие о хорошем отношении к адресату: *Liebe gute Eve! Du wirst nicht sterben, nicht heute, nicht morgen!* [Kns, S. 213], положительная оценка адресата: *Das verstehe ich nicht, dass du solche Angst hast. Du bist doch ein As in Mathematik* [Jgl., S. 109].

Вовлекая слушающего в процесс общения, адресант прибегает к утешению путем аргументации своего мнения, выраженной конструкциями с перечислениями: *Keine Sorgen, Phil. Die Wunde heilt gut, das Fieber ist weg, das Mädchen hat gegessen, getrunken, ist wieder frech wie ein Rotz* [Kns, S. 242].

В качестве поддержки могут использоваться пословицы, передающие утешение или сочувствие адресату, которых в немецком языке имеется большое число: *Frau Vanberg sah Danielas Niedergeschlagenheit und sagte: „Aller Anfang ist schwer“* [Stnb, S. 264]; *Kommt Zeit, kommt Rat. Alle Tage ist kein Sonntag. Es kommt auch in unsere Straße eine Feier. Dem Mutigen gehört die Welt. Die Zeit heilt alle Wunden. Es ist unmöglich, das Geschehene umzukehren. Seinem Schicksal kann man nicht entgehen* и т.д. [Kshm, S. 3–77].

Средством выражения поддержки могут служить указания на существование положительного момента в неприятной ситуации (например, необходимость преждевременного вынужденного ухода на пенсию): *Du hast doch dein Hobby, Vati. Du könntest dich doch viel intensiver mit Briefmarken beschäftigen* [Sm2, S. 12].

Одной из тактик утешения является совет, как исправить ситуацию: *Geh spazieren. Das bringt auf andere Gedanken* [Kns, S. 58]. Данная интенция может передаваться высказываниями, содержащими устойчивые словосочетания: *Lass den Mut nicht sinken!* [Jgl., S. 37]; *Deshalb braucht ihr nicht die Nase hängen zu lassen* [Zmr, S. 107].

К менее употребительным тактикам утешения в нашем материале были отнесены

– указания на необходимость использовать все возможности для выхода из затруднительной ситуации: *Und keine Angst! Es sind noch nicht alle Chancen im Eimer* [Kns, S. 232];

– выражение готовности помочь в будущем: *Wenn du wieder Probleme hast, dann komm gleich zu mir und ich werde dir helfen. Ein gelöstes Problem ist kein Problem mehr, ja?* [Jgl., S. 105];

– уверенность в установлении прежних хороших отношений: *Trockne schön deine Tränen, nun werden wir wieder Freunde sein* [Jgl., S. 21];

– указание на незначительность происходящего: *„Erschrick nicht, Großmutter, nichts fällt zusammen, das ist nur der Großvater mit seinem Hammer“, sagte Heidi tröstend* [Jgl., S. 18];

– оправдание неблагоприятных поступков. В нашем материале это следует из реакции собеседника на риторические вопросы главного героя: *Warum habe ich nur geschossen? Warum habe ich so was gemacht? Warum habe ich mich nicht geweigert? – Das ist doch klar. Das war dein Befehl. Was hättest du denn anderes tun sollen?* [Sgrs, S. 157].

Таким образом, при утешении адресант стремится отвлечь адресата от неприятностей или несчастья, советует ему настроиться на позитивный лад. Речевое общение включает в себя комплекс различных средств, в том числе невербальных, выполняющих определенную роль в процессе коммуникации. В общении человек больше доверяет знакам невербального общения, чем вербального. По оценке исследователей, с помощью невербальной коммуникации передается более 70 % информации [10, с. 6]. Эмоциональные реакции, как правило, более правдивы, чем сведения полученные в процессе вербального общения. Невербальный язык менее контролируем сознанием, поэтому он более достоверен. Для утешения важное значение имеют жесты (взять утешаемого за руку, положить руку на плечи, обнять за плечи, погладить руку, волосы). Этому способствуют также успокаивающая улыбка, исполненный сострадания взгляд, тихий, мягкий голос, сокращение коммуникативной дистанции (присесть рядом, наклониться), поведенческие акты (предложить стакан воды и т.д.). Невербальная коммуникация дополняет, усиливает, а иногда и заменяет вербальную. Поддержать человека молчанием иногда бывает лучше, чем дать ему совет.

Исследование показало, что тактические шаги, реализующие стратегию утешения, представлены комбинацией различных высказываний, отвечающих требованиям ситуации, которая позволяет говорящему решить коммуникативную задачу. Они включают эмоциональные обращения, переда-

ющие хорошее отношение к адресату, способствуют повышению самооценки адресата, содержат совет или план действий по исправлению ситуации, обещание помощи. Комбинация различных единиц, выражающих интенцию утешения в рамках одной или нескольких реплик, усиливает эмоциональное воздействие на адресата.

Также важную роль играют просодические средства, которые вместе с лексико-грамматическими служат реализации социальной поддержки.

Изучение организации речевого акта утешения имеет важное значение для преподавания иностранного языка, так как формирование у обучаемых представления о речевой стратегии и тактиках данного речевого акта является основой для выработки навыков коммуникативно успешного общения.

## ЛИТЕРАТУРА

1. *Ожегов, С.И.* Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 2000. – 944 с.
2. *Остин, Дж.* Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 7. – С. 22–29.
3. *Федосюк, М.Ю.* Комплексные жанры разговорной речи : утешение, убеждение, уговоры / М.Ю. Федосюк // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург : Арго, 1996. – 193 с.
4. *Григорьев, Е.И.* Основы фонопрагматики немецкого языка / Е.И. Григорьев. – Днепропетровск : Навчальна книга, 1997. – 169 с.
5. *Engel, U.* Deutsche Grammatik / U. Engel. – Heidelberg : J. gloss Verl., 1988. – 775 S.
6. *Кобозева, И.М.* Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. – М. : Едиториал УРСС, 2000. – 352 с.
7. *Вежбицкая, А.* Речевые жанры / А. Вежбицкая // Жанры речи. – Саратов, 1997. – Вып. 1. – С. 23–28.
8. *Винокур, Т.Г.* Стилистика как она есть / Т.Г. Винокур // Избранные работы. – М. : ЛКИ, 2010. – 136 с.
9. *Иссерс, О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – М. : Комкнига, 2006. – 288 с.
10. *Поволяева, М.А.* Невербальные средства общения / М.А. Поволяева, О.А. Рутер. – Ростов н/Д : Феникс, 2004. – 356 с. – (Сер. Высшее образование).

## ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

Kns – *Konsalik, H.* Das Geheimnis der sieben Palmen / H. Konsalik. – München : Goldmann Verl., 1978. – 285 S.

Jgl. – *Jugendliteratur für die Sekundarstufe.* – München : Verl. Moritz Diesterweg, 1979. – 119 S.

- Stnb – *Steinberg, W.* Das Schimmel mit den blauen Augen / W. Steinberg. – Berlin : Verl. Neues Leben, 1971. – 265 S.
- Kshm – *Koshemjako, W.* Sprichwörter und russische Äquivalente / W. Koshemjako, L. Podgornaja. – S.-Petersburg : Kapo, 1977. – 114 S.
- Sm2 – *Schumacher, S.* Kurzhörspiele 2 / S. Schumacher. – Bonn : Internationes, 1989. – 79 S.
- Zmr – *Zimmering, M.* Die Jagd nach dem Stiefel / M. Zimmering. – Berlin : Kinderbuchverl., 1970. – 137 S.
- Sgrs – *Seghers, A.* Der Bienenstock / A. Seghers. – Berlin : Aufbau-Verl., 1956. – 357 S.

The article describes the meaning of consolation as a speech act of social support and examines the following important notions of linguistic pragmatics: *speech act – speech genre, phatic – informational speech, strategy and tactics of speech behavior*. On the basis of practical research speech tactics are determined which are used to achieve the strategic purpose of consolation.

Поступила в редакцию 13.05.14

**Е.М. Лазаревич**

## ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭВФЕМИСТИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ БЕРЕМЕННОСТИ В XVIII – XXI ВВ.

В настоящей статье сделана попытка выявить и описать в диахроническом аспекте некоторые закономерности формирования и функционирования в английском языке такого блока лексики, как однословные эвфемизмы, использующиеся для обозначения беременности. Определен состав лексики английского языка XVIII–XXI вв., соотносимой с рассматриваемой сферой. Изучены источники формирования исследуемых лексем в английском языке, определено время наиболее ранней фиксации эвфемизмов, описана их семантика в диахроническом аспекте, выявлены системные связи и отношения между прямым наименованием и его эвфемизмом.

История эвфемизмов уходит корнями в далекое прошлое. Возникшие когда-то в целях табуирования сакральных сторон жизнедеятельности человека, смягчения способа представления неприятных явлений эвфемизмы существовали уже в античные времена [1]. Так, римский учитель красноречия Квинтилиан считал, что «неприятное можно умерить выражениями», чему и способствовало явление эвфемии – греч. *euphēmia* ‘благоречие; хорошая речь, воздержание от неподобающих слов’ [2, с. 7]. Как прежде, так и в настоящее время потребность в эвфемизации очень велика. Доказательством тому служит широкий спектр назначения эвфемизмов в речи – они осуществляют этико-этикетную, эмоционально-психологическую, эстетическую, общекультурную функцию, играя важную роль в создании эмоционально позитивного, доброжелательного, культурного, наконец, просто